

**НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ, АЛЕКСЕЙ
МАКЕЕВ**

УБИЙСТВО ПО РАСПИСАНИЮ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Убийство по расписанию

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Убийство по расписанию / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-24834-6

Разорвав конверт, она выудила из него желтоватый лист плотной бумаги, сложенный пополам. Развернула его. Чтобы прочесть такие же большие наклеенные газетные буквы, ей не понадобились очки. Послание от неизвестного гласило: «Ты умрешь сегодня ровно в семь часов вечера. Готовься»... Лист проворно выскользнул из пальцев. Ей и в голову не пришла мысль о том, что написанное может быть глупым банальным розыгрышем кого-то из знакомых.

ISBN 978-5-699-24834-6

© Леонов Н. И.
© Научная книга

Николай Леонов, Алексей Макеев

Убийство по расписанию

* * *

Вторник. 6 часов 46 минут

Не открывая глаз, Крячко провел рукой по соседней подушке. Ладонь скользнула по шелковистому белью. Стас открыл глаза. Он был в кровати один. Приподнявшись на локте, прислушался. Из ванной доносился шум льющейся воды, на фоне которого можно было различить негромкое пение профессионально поставленным меццо-сопрано. Стас улыбнулся...

Он познакомился со Светланой вчера вечером в кафе «Барселона». Визиты в это уютное заведение по завершении трудового дня стали для Крячко почти нормой. Он облюбовал «Барселону» с момента ее открытия накануне Нового года. Приличная кухня, уважительное отношение, достойное обслуживание. А чего еще можно желать устоявшемуся холостяку? Только стаканчик хорошего винца на сон грядущий. Так и этого в «Барселоне» было с избытком. А вчера он заметил ее. Светлана сидела за столиком в гордом одиночестве и как-то грустно поглядывала в окно на грациозно кружившие в конусообразных лучах придорожных фонарей фигурные снежинки. Крячко не мог знать о причинах столь меланхолического настроения девушки, но почему-то счел своим долгом отвлечь ее от невеселых мыслей, с чем бы они ни были связаны. Конечно, не последнюю роль в его решении сыграло то, что девушка была недурна собой и идеально сложена. Особенно сильно пленили Станислава стройные длинные ноги блондинки, утянутые в черные колготки и обутые в элегантные замшевые сапоги на шпильке. Не меньшее впечатление производили и чувственные полные губы на раскрасневшемся после мороза скуластом лице. А завтра День святого Валентина. Крячко просто не смог бы пройти мимо этой девушки, даже если бы очень захотел. Он посчитал это своего рода знаком свыше.

– Добрый вечер. – Он бесцеремонно опустился на соседний стул и постарался продемонстрировать девушке все свое обаяние, на какое был только способен. – Полковник Крячко. Уголовный розыск. Я очень сожалею, но я вынужден задержать вас за совершенное вами преступление.

– Какое преступление?

Она оторвала взгляд от окна и удивленно взглянула на Станислава. В ее глазах не было испуга, только мгновенно проснувшееся женское любопытство.

– Если бы оно было одно... – Крячко прищелкнул языком, а затем одним быстрым движением подал знак наблюдавшему за их столиком официанту. Станислава здесь уже хорошо знали. – Но я намерен выдвинуть вам целый перечень вопиющих нарушений с точки зрения закона. Во-первых, вы сидите в кафе одна. – Он стал наглядно загибать пальцы на правой руке. – Во-вторых, вы грустите, в-третьих, вы слишком красивы... Мне продолжить или этого достаточно?

Он с удовлетворением отметил, что его шутка заставила девушку улыбнуться.

– Достаточно, – сказала она. – Но я не знала, что этим я нарушаю закон.

– Установленный государством, может, и нет. – Крячко было не так-то просто сбить с толку. – Но тот закон, который существует в моем собственном понимании...

– Тогда прошу меня извинить, товарищ полковник, я не знала.

– Незнание не освобождает от ответственности. Мне все же придется вас задержать. И оставим официальности. Меня зовут просто Стас.

– Светлана, – представилась она.

Крячко заказал шампанского. Они разговорились. Светлана оказалась оперной певицей и поведала Станиславу о причине своего грустного настроения в этот вечер. Она оказалась проста и банальна до безобразия. Не слишком удачное, на ее взгляд, выступление. Крячко поспешил отвлечь ее от процесса самобичевания и весьма преуспел в этом. Буквально по истечении десяти минут девушка и думать забыла о своих проблемах и всю хохотала над рассказываемыми полковником байками из личной служебной практики. Благо казусных моментов, о которых можно было поведать, у Крячко имелось в избытке. Девушка нравилась ему все больше и больше. В половине двенадцатого, когда между ними установились весьма теплые отношения, чему в немалой степени поспособствовали три медленных танца, Стас пригласил ее к себе в гости, и Светлана охотно согласилась. А дальше и подавно все пошло по заранее намеченному сценарию, известному каждому мужчине...

Крячко отбросил одеяло, сел на кровати и потянулся к валявшимся на полу брюкам. С усмешкой вспомнил о том, что вчера ему было наплевать, что и куда он разбрасывает. Светлана оказалась на редкость страстной штучкой. Крячко уже давно не попадалось ничего в таком роде. Конечно, это несколько не означало, что он готов был завязать со Светланой продолжительный роман или, чего хуже, далеко идущие отношения... Разменивать собственную свободу Стас не собирался ни при каких условиях. Но ночь выдалась потрясающей.

Шум воды смолк, когда Крячко, облачившись в брюки и рубашку, переместился из спальни на кухню и поставил чайник на газовую конфорку. Как и вчера в течение всего дня, за окном валил снег. В этом году его вообще выпало особенно много. Но день был солнечным.

Светлана появилась в дверях кухни обнаженная, как нагая. Крячко, обернувшись, невольно залюбовался формами ее тела. К тридцати годам она не утратила ни одной своей прелести. И это тоже не могло не импонировать Станиславу.

– Ты уже проснулся? – Она игриво повела плечиком.

– Труба зовет. – Крячко опустился на табурет и вставил в рот сигарету. – Я должен быть на работе уже через... Через пятьдесят три минуты.

– Вот как? – Светлана надула губки. – А я надеялась, что мы проведем сегодняшний день вместе. Ведь сегодня День влюбленных, Стас. Сама судьба свела нас вчера вечером.

– Вне всяких сомнений. Но скажу тебе по секрету, все столичные преступники надеются на то же самое. То есть на то, что я проведу День влюбленных в постели с такой потрясающей красоткой, как ты. И тогда город просто захлебнется в криминале. Увы, Станислав Крячко всегда должен оставаться на страже порядка. Иначе произойдет непоправимое.

Она засмеялась.

– Я обожаю тебя. – Светлана нахально вскарабкалась полковнику на колени, и тому пришлось отложить сигарету в пепельницу, чтобы обнять девушку двумя руками. – А вечером? Вечером мы увидимся?

– Вечером?..

Телефонный звонок спас Крячко от дальнейшего разговора. Он не был уверен в том, что хочет увидеть Светлану сегодня вечером. Но не был уверен и в обратном. Так далеко, как на продолжительность дня, в отношениях с женщинами он не любил загадывать. Но она-то хотела услышать ответ прямо сейчас...

Светлана вынуждена была слезть с его колен, и Стас, на ходу выключив газовую конфорку, где уже закипел чайник, вернулся в спальню. Телефонный аппарат располагался на прикроватной тумбочке. Крячко сел и снял трубку.

– Полковник Крячко слушает!

– Алло! Стасик, привет! Это Юлия, – раздался в ответ взволнованный женский голос с едва заметной хрипотцой курильщицы.

Крячко скривился, как от зубной боли. Он терпеть не мог, когда кто-нибудь – неважно кто – называл его Стасиком. Такое обращение было для него крайне неприятным. Тем более

что голос и имя Юля ему ничего не сказали. Он представления не имел, кто бы это мог быть. Левой рукой Крячко взъерошил на голове волосы.

– Кто? – спросил он.

– Юля, – поспешно повторила звонившая. – Завладская. Ты что, совсем не помнишь меня, Стасик?

* * *

Понедельник. 23 часа 37 минут

В кармане халата завибрировал мобильник, и прежде чем вибрация сменилась мелодией, вызов был завершен. Это сигнал. Пора! Завладская придвинула к себе стоящий на рабочем столе телефон, сняла трубку и быстро набрала несколько цифр.

– Маргарита Сергеевна, вы можете зайти ко мне прямо сейчас?

Завладская знала, что она звонит по внутреннему телефону в операционную. Она прекрасно знала и то, что на находящихся сейчас там трех рожениц приходится всего один врач и старшая акушерка. Однако положение всех трех экстренно поступивших в родильное отделение женщин таково, что старшая акушерка Аникеева по всем правилам в больнице вполне могла бы справиться с ними и самостоятельно. На это и рассчитывала Завладская.

– Да, конечно, Юлия Владимировна. Сейчас подойду.

Маргарита Ключкова, молодой дипломированный врач, влившийся в коллектив первой городской больницы всего четыре месяца назад, явилась в кабинет заведующей минут через десять после звонка.

– Вы хотели меня видеть?

Завладская оторвалась от бумаг, которые она неторопливо пролистывала, сидя в крутящемся кожаном кресле с высокой спинкой, и взглянула на Ключкову поверх висевших едва ли не на самом кончике острого носа очков. Роскошные светлые волосы, не утратившие с годами своего природного блеска, волнами ниспадали на плечи. Высокий открытый лоб, тонкие слегка подкрашенные губы, на щеках ямочки.

– Присаживайтесь, Маргарита Сергеевна. – Завладская отложила бумаги в сторону, оставив из общей кипы только одну, достаточно резким движением сдернула очки и убрала их в боковой карман белого халата. – Да, я действительно хотела вас видеть. Дело в том, что на вас поступила жалоба от одной из наших пациенток. Я думаю, что это не самое удачное начало медицинской карьеры в нашем отделении, Маргарита Сергеевна. Вот, ознакомьтесь сами.

Следуя первому распоряжению заведующей, Ключкова уже опустилась на низенький диванчик, стоящий вдоль стены, но, когда Завладская протянула ей бумагу, она вынуждена была вновь подняться на ноги. Лист с рукописной жалобой переключался из рук Завладской в руки Ключковой. Последняя так и осталась стоять возле стола и читала заявление стоя.

– Я ничего не понимаю, Юлия Владимировна. Это какая-то ошибка. – Девушка была явно растеряна. – Ничего подобного не было. Это гнусная инсинуация. Я прекрасно помню эту пациентку и...

– И, по-вашему, она лжет, – закончила за Ключкову Завладская. – Не самый оригинальный ответ, Маргарита Сергеевна. За то время, что я возглавляю наше отделение, подобных оправданий я, пожалуй, слышала никак не меньше сотни. И на их основании получается, что все пациентки, как правило, лгут, а наши сотрудники или сотрудницы – просто невинные овцы.

– Я этого не говорила. Просто...

– Давайте поступим так. – Завладская встала и вышла из-за стола. Она была почти на полголовы выше Ключковой. – На первый раз я сделаю вам только предупреждение. Устное. Но если на мой стол ляжет еще одна такая жалоба в ваш адрес, я буду вынуждена применить

по отношению к вам более серьезные санкции. Вплоть до вашего перевода в другое отделение. Или даже увольнения. Я достаточно ясно выразилась, Маргарита Сергеевна? Вы меня поняли.

Клочкова потупила взгляд. Спорить с Завладской, которая была здесь фактически единовластной хозяйкой, не имело никакого смысла. За четыре месяца работы Маргарита уже успела узнать от коллег о крутом норове заведующей.

– Я поняла.

– Вот и отлично. – Завладская буквально вырвала бумагу из рук своей сотрудницы. – А теперь можете идти. И не забудьте о нашем разговоре.

Клочкова развернулась и вышла из кабинета. Настенные часы в кабинете заведующей, висевшие рядом с большим портретом Склифосовского, пробили полночь. Понедельник сменился вторником, четырнадцатым февраля. Одной рукой Завладская скомкала лист бумаги и, не глядя, бросила его в урну. Вернулась за стол, села на прежнее место и быстрым ловким движением вынула сигарету из лежащей перед ней пачки «Собрания». Вставила ее в коротенький коричневого цвета мундштук. Щелкнула зажигалкой, прикуривая, и пляшущее пламя на несколько секунд осветило ее продолговатое, с правильными чертами лицо.

Осторожный стук в дверь заставил Завладскую поднять голову.

– Да-да.

Старшая акушерка Татьяна Аникеева, женщина тридцати с небольшим лет, с волосами, забранными в «конский хвост» и лицом без признаков косметики, выглядевшая гораздо старше своих лет, переступила порог кабинета, плотно прикрыла за собой дверь и какой-то крадущейся, свойственной лишь ей походкой приблизилась к столу заведующей. Завладская затушила сигарету, искуриив ее только до половины, и небрежно бросила окуроч в пепельницу. В последнее время она старалась курить меньше, еженедельно сокращая количество сигарет, чтобы в итоге совсем расправиться с этой пагубной привычкой.

– Ну?

Аникеева взяла стул, придвинула его поближе и села. Привычно покосилась на закрытую дверь, словно проверяя, не пришло ли кому в голову ее преследовать.

– Все прошло чисто, Юлия Владимировна, – доложила она заведующей. – Впрочем, как всегда. Беспокоиться не о чем.

– Нельзя ли поподробнее, Таня?

– Чилинская родила здорового полноценного мальчика. Никаких физических отклонений. Я сама проверила. Затем быстро произвела подмену ребенка и теперь... Теперь у нас есть превосходный малыш для передачи Илье Романовичу. Можете позвонить ему завтра. Или даже хоть сегодня. – Аникеева взглянула на настенные часы и сухонько засмеялась. – То есть в любом случае уже сегодня.

– Никто ничего не заметил? Ты уверена?

Завладская любила лишний раз подстраховаться. Тот опасный вид бизнеса, в который уже более года назад втянула ее как раз старшая акушерка, познакомив с представителем крупного детского фонда «Эдельвейс» Ильей Лобановым, был настолько же законным, как торговля оружием или наркотиками. Неудивительно, что Завладская волновалась. Узнай кто-нибудь из представителей правопорядка, что она, заведующая родильным отделением, непримиримый борец со взяточничеством и коррупцией на территории больницы, занимается подменой детей с дальнейшей их продажей за рубеж, ей бы грозило не менее двадцати лет лишения свободы.

– Абсолютно уверена. – Аникеева – при всей своей демонстративной любви к конспирации и различным играм в шпионов – на самом деле была значительно спокойнее своей руководительницы. – Клочкову вы нейтрализовали вызовом к себе в кабинет, а мать видела ребенка всего пару секунд, когда я хлопнула его по попе и заставила закричать. Вы же знаете, что в этот момент и при том состоянии, в котором они находятся, роженицы ничего не способны

разглядеть. А потом их всех увезли из операционной, и я осталась там совершенно одна. Когда вернулась Ключкова, все было закончено.

Старшая акушерка счастливо улыбнулась, явно довольная собой и своими действиями. Завладская не могла разделить ее радости. Смотрела на сообщницу хмуро и сосредоточенно. За целый год она так и не смогла избавиться от гадливого чувства по отношению к самой себе.

– Хорошо, – негромко произнесла Завладская, и ее глаза в этот момент невольно встретились с нарисованными глазами Склифосовского. – Я позвоню сегодня Илье и сообщу ему, что мы готовы для очередной передачи... – Заставить себя произнести словосочетание «партии товара», так часто употребляемого самим Лобановым, а нередко и Аникеевой, она не смогла. Уж слишком кощунственным казалось ей такое определение для живых детей. Пока еще живых... Завладская поспешила сменить тему разговора. – Я хочу уйти сегодня с дежурства пораньше. Часа в два. Чувствую, что мне просто необходимо выспаться. Надеюсь, вы тут справитесь без меня.

– Конечно, Юлия Владимировна. А можно задать вам один вопрос? – Несмотря ни на что, Аникеева старательно соблюдала субординацию.

– Какой?

Старшая акушерка сухо откашлялась.

– По больнице ходят различные слухи... Ну, вы же знаете, как это бывает... И я слышала... В общем, говорят, что вы собираетесь увольняться, Юлия Владимировна. Это правда?

Завладская нервно дернулась, ее правая рука машинально потянулась к открытой пачке сигарет, но зависла над столом, не завершив начатой траектории. Она не сразу нашла с ответом. Однако в этот самый момент в дверь ее кабинета снова постучали.

– Войдите. – Голос выдал ее волнение.

– Юлия Владимировна, доброй ночи. – И Завладская, и обернувшаяся на входную дверь Аникеева узнали в вошедшей вахтера из приемного отделения, пухлую, вечно розовощекую тетку с выкрашенными в медный оттенок волосами. Ни заведующая, ни старшая акушерка не знали ее имени, но неоднократно имели возможность видеть ее на рабочем месте. – Я извиняюсь за невольное вторжение, но у меня тут для вас конверт. Кто-то оставил в приемной, пока я ходила за чайником.

– Кто оставил? – Завладская вскинула брови.

– Я же говорю, что не видела. Пошла за чайником, а когда вернулась, смотрю – он лежит. На столике. Но на нем написано имя получателя. То есть ваше, Юлия Владимировна. Хотя «написано» – это не совсем то слово, буквы как будто вырезаны из газеты или еще откуда-нибудь, а затем наклеены...

– Давайте сюда конверт, – раздраженно сказала Завладская.

Она протянула руку через стол. Вахтерша прошла вперед и отдала заведующей тонкий белый конверт. Ни слова не говоря, она вышла из кабинета. Аникеева заинтересованно наблюдала за действиями Завладской. Та перевернула конверт и обнаружила на обратной стороне собственную фамилию. «ЗАВЛАДСКОЙ». Все буквы в этом слове были заглавными и действительно вырезанными из газеты.

– Поздравление от анонимного поклонника в День святого Валентина? – высказала свое предположение Аникеева.

Завладская не ответила. Разорвав конверт, она выудила из него желтоватый лист плотной бумаги, сложенный пополам. Развернула его. Чтобы прочесть такие же большие наклеенные газетные буквы, ей не понадобились очки. Послание от неизвестного гласило: «ТЫ УМРЕШЬ СЕГОДНЯ РОВНО В СЕМЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА. ГОТОВЬСЯ».

У Завладской зарябило в глазах, и лист проворно выскользнул из пальцев. Ей и в голову не пришла мысль о том, что написанное может быть глупым банальным розыгрышем кого-то из знакомых.

* * *

Вторник. 8 часов 21 минута

– Кто она такая? – Гуров поставил перед собой чашку ароматно пахнущего кофе и осторожно, чтобы не обжечься, взялся двумя пальцами за ручку, перевел взгляд на расхаживающего взад-вперед по кабинету Крячко.

– Ты меня что, не слушал, Лева? – Станислав остановился и, подойдя к столу напарника, двумя кулаками уперся в полированную поверхность. – Я же тебе говорю, мы с ней вместе учились. В школе. В одном классе. С шестого по восьмой класс вообще сидели за одной партой. После окончания я видел ее всего три раза. На традиционных встречах выпускников. Встреч этих, правда, было больше, но я ходил только на три. А сегодня с утра она сама мне позволила...

– Ты был в нее влюблен?

– Какое это имеет значение? Даже если и был, то что?

– И, судя по всему, влюблен в нее до сих пор, – резюмировал Гуров, делая первый неторопливый глоток кофе.

Сегодня утром при двадцати семи градусах мороза полковнику понадобилось минут сорок на то, чтобы завести свой «Пежо». Еще минут десять на то, чтобы, сидя в холодной машине, прогреть двигатель. Все это явно не способствовало хорошему настроению. И, ко всему прочему, Гуров изрядно промерз. Опоздав на службу почти на пятнадцать минут, он первым делом сварил себе кофе и мечтал сейчас только о том, чтобы согреться, а не выслушивать от напарника историю о каких-то угрозах в адрес его бывшей одноклассницы, которые, скорее всего, и не имеют под собой ничего объективного. Гурову и прежде приходилось сталкиваться на практике с такого рода шутками, участвовавшими в столице еще с тех времен, когда на широкие экраны попали такие голливудские фильмы, как «Крик» или «Я знаю, что вы сделали прошлым летом».

– О чем ты вообще говоришь? – Крячко оскорбился до глубины души. – При чем тут мои чувства?

– А при том, Стас, что из-за этих чувств ты не в состоянии рассуждать как здравомыслящий человек, – нравоучительно произнес Гуров. – Над твоей школьной подругой Завладской, или как ее там, просто кто-то не слишком оригинально подшутил. Ты вспомни сам, сколько раз мы сталкивались с такими нелепыми случаями.

– Я помню, но почему мы не можем хотя бы проверить правдивость этой угрозы? – кипятился Крячко.

Он отлепился от стола напарника и снова беспокойно забегал по комнате. Попивая кофе маленькими глотками и чувствуя, как приятное тепло разливается по его телу, Гуров с улыбкой наблюдал за ним. Давно ему уже не приходилось видеть Станислава в таком возбужденном состоянии. И где-то это ему даже импонировало, но...

– Потому, что мы такими делами давно уже не занимаемся, – ответил он. – Потому, что для этого есть иные инстанции, потому, что ты, так же, как и я, следовательно по особому важным делам. И потому еще, что дел у нас этих невпроворот. Этого достаточно, Стас? Или тебе привести еще десяток причин?

– Послушай, Лева, – Крячко подбежал к своему рабочему месту, взял стул и вернулся с ним к столу, за которым сидел Гуров. Поставил стул спинкой вперед и сел на него. Теперь его покрасневшее от волнения лицо было всего в нескольких сантиметрах от лица Гурова. – Если мы проверим угрозу, у нас это не отнимет слишком много времени, а ты... Ты сделаешь мне огромное одолжение. Вспомни, сколько раз я шел тебе навстречу. А ты мне даже мотивов своего поведения не объяснял.

– А какие у тебя мотивы? – Гуров хитро прищурился.

– Ну, хорошо, признаю. – Крячко скрипнул зубами. – Юля немало значит для меня. Значила тогда и, как ты верно догадался, значит до сих пор. И тому есть причина, Лева.

– Какая?

Чувствовалось, что Крячко неловко говорить. Он долго мялся, прежде чем ответить на вопрос Гурова откровенно.

– Это случилось на выпускном. То есть я любил Юльку с первого класса... Да, вот такое глубокое было чувство. Хочешь верь, хочешь нет, но я не преувеличиваю. И уже ближе к завершению учебного процесса мне начало казаться, что она ко мне неровно дышит. Короче, на выпускном я набрался-таки смелости и подкатил к ней. Ты же знаешь, Лева, я никогда не относился к робкому десятку. В отношениях с противоположным полом и подавно. Но тут... Черт возьми! Перед ней я робел. Честное слово...

– Поразительно. – Гуров допил кофе и отставил в сторону опустевшую чашку. Теперь он чувствовал себя значительно лучше. Рука самостоятельно потянулась в карман за сигаретами. – Тут и впрямь какие-то шекспировские страсти. Самая что ни на есть настоящая любовь.

– Ты будешь слушать или хохмить?

– Ладно-ладно, – смиростивился Гуров. – Я слушаю. Так, что произошло после того, как ты подкатил к ней на выпускном вечере?

– Мы поехали к ней. – Крячко совсем потупил глаза. – Она сама пригласила. Я взял по дороге какого-то дешевого винца, что уже само по себе было проколом...

– Почему это?

– Знаешь, кто был ее папочка? Председатель облсовпрофа. Звучит? А представь, как это тогда звучало. Там такая квартирка, Лева, – закачаешься! Короче, я тогда суксился по полной программе...

– А где же были ее родители, когда вы приехали? – не унимался Гуров. – Тот же папочка, о котором ты упомянул?

– Да откуда я знаю, где они были! Может, на дачу свалили, может, еще куда. Какое это все имеет значение? Чего ты цепляешься?

– Ничего я не цепляюсь. Просто спросил. Продолжай.

Крячко нервно поерзал на стуле и произнес:

– Мне показалось, что я смог взять себя в руки. Мы посидели, выпили, а когда дело дошло до постели... – Он замолчал.

– Ну? – поторопил напарника Гуров.

– Баранки гну! – Крячко так резко вскочил на ноги, что стул под ним опрокинулся и со стуком грохнулся на пол. – Чего ты из себя дурачка-то корчишь, Лева? Будто сам не понимаешь. Ничего у меня с ней не получилось. От волнения мой солдат пал. Врубился? Полный позор! Я не знал, как и в глаза-то ей смотреть после этого.

Гуров с трудом сдержал рвущуюся наружу улыбку и сочувственно покачал головой. Мысленно он представил себе красного от стыда Станислава со спущенными до колен штанами и лежащую на кровати девушку, ждущую чего-то, чего Крячко дать ей не мог при всем своем желании. Ситуация показалась ему более чем комичной.

– Ну и что? – постарался он утешить напарника, к этому времени поднявшего стул и вместе с ним вернувшегося на свое рабочее место. – С кем не бывает, Стас.

– Со мной не бывает, – огрызнулся Крячко. – И никогда не было, кроме этого паршивого случая. А ведь я любил ее. По-настоящему. Как ты этого не понимаешь? Ладно, проехали. – Он широко махнул рукой. – Так ты можешь со мной съездить и проверить, что там случилось у Юли Завладской?

– Хочешь загладить перед ней вину?

– Сволочь ты, Лева!

– Хорошо. – Гуров вышел из-за стола и двинулся в направлении высокого платяного шкафа. – Так и быть, сделаю для тебя одолжение. Мы же друзья. Только успокойся, Стас. Поехали?

– К Завладской?

– Ну а к кому же еще? Или у тебя еще есть косяки по интимной части?

Крячко мгновенно просветлел лицом, пропустив мимо ушей последнюю шутку товарища. «Видимо, эта дама и впрямь многое для него значит», – подумал Гуров, надевая пальто и нахлобучивая на голову норковую шапку.

* * *

Вторник. 8 часов 58 минут

Загородный домик Юлии Завладской, некогда бывший дачей ее ныне покойного отца, а затем реконструированный новой владелицей, нельзя было назвать роскошным по современным столичным меркам. Круглое одноэтажное строение с конусообразной крышей и асимметричными круглыми окнами. За счет этих окон и самой формы дома издали его можно было бы принять за большое, изъеденное червяками яблоко. Большая часть прилегающей к дому территории, обнесенной невысоким бетонным забором с равноудаленными друг от друга шпильями, была засажена синими елочками, на которых красочными, как в сказках, белыми шапками лежал поблескивающий на солнце снег.

Ворота были снабжены фотоэлементами, и Гуров, подкатив к ним, призывно посигналил. Скрытое от глаз устройство щелкнуло, и широкая пластина стала плавно и неторопливо подниматься вверх. Достигнув определенной точки, она замерла. Гуров завел «Пежо» во двор, остановил его почти рядом с фигурным серым крыльцом и выключил двигатель. Крячко первым выпрыгнул из салона. Сейчас он здорово смахивал на возбужденного мальчишку, предвкушающего встречу с объектом этого самого возбуждения. Гуров только покачал головой.

Когда сыщики вошли в дом, двери которого Завладская заблаговременно отперла, Юлия ждала их на кухне. Вернее, самой кухни, как таковой, здесь не было. Одно просторное помещение включало в себя и кухню, и столовую, и гостиную. И даже часть лоджии с большим панорамным окном, открывавшим прекрасный вид на сосновый бор. Похоже, что любовь к вечнозеленым представителям флоры готова была проявляться у Завладской во всем. Из круглой центральной комнаты, которую Гуров почему-то сравнил со свернутой в кольцо змеей, в шести разных направлениях располагались шесть разных дверей из белого ламината, ведущих в дополнительные помещения. В середине зала располагался сравнительно недавно вошедший в моду камин с конусообразной крышкой над квадратным основанием без каких-либо заградительных решеток или стекол.

Завладская хлопотала у плиты. На всех четырех конфорках что-то жарилось, парилось, шкварчало. Духовка тоже находилась в рабочем режиме, и сквозь слегка запотевшее стекло в ней можно было разглядеть крутившееся вокруг собственной оси какое-то блюдо в коричневой глиняной емкости. В общей какофонии запахов Гуров вполне явственно различил ароматы жареной свинины и грибов.

– Проходите-проходите, ребята. – Завладская не отошла от плиты и даже не обернулась. Она взяла ложку и что-то быстро помешала в большой розовой кастрюле. – Проходите, садитесь. Одну секундочку...

Крячко и в этот раз опередил напарника. Скинув верхнюю одежду и пройдя вперед, он тут же занял место на одном из четырех стульев, расположенных вокруг небольшого деревянного столика на стальных ногах. Пользуясь тем, что Юлия пока не видит его, Стас быстро пригладил рукой волосы, расправил ворот рубашки, проверил, не слишком ли забрызганы грязью его брюки. Сохраняя ироничное выражение лица, Гуров разместился на стуле напротив.

– Здравствуйте. – Юлия оторвалась от готовки и улыбнулась. Будучи неплохим психологом, Гуров почувствовал, насколько неестественна эта улыбка и насколько трудно она далась Завладской. – Значит, вы и есть тот самый полковник Гуров, о котором мне рассказывал по телефону Стасик?

– Тот самый.

При слове «Стасик» Гуров коротко мазнул взглядом по Крячко и закусил нижнюю губу. Он-то знал, как напарник относится к подобным обращениям в его адрес. Однако на этот раз Станислав остался спокоен и невозмутим. Словно ничего более привычного и быть не могло.

– Хотите кофе? – предложила Завладская. – Я, как приехала сегодня из больницы в половине второго ночи, смогла поспать только три часа. А потом взялась за готовку. Все готовлю-готовлю... Мне непременно нужно было что-нибудь делать. Чтобы хоть как-то отвлечь себя. Немного помогает, но... Так как насчет кофе?

– С удовольствием, – кивнул Крячко.

Завладская даже не присела к ним за столик. Она вернулась обратно к плите и освободила одну из конфорок, сняв с нее розовую кастрюлю и поставив ее справа на специальную металлическую подставку. На освободившуюся конфорку встал чайник.

– Я делаю кофе по-турецки, – сказала она, и в какой-то момент в ее голосе прозвучала нотка бахвальства. – Никто, кроме меня, не умеет делать его как следует. Уверяю вас. Даже в самых элитных кофейнях Москвы его делают не так. А знаете, в чем секрет? – Разговаривая, она непрерывно действовала руками. Достала из буфета миниатюрную турку, кофемолку, сахарницу. – Во-первых, сама турка. Она должна быть из специального материала. Я их, наверное, штук сто сменила, прежде чем нашла эту. Из-за границы подруга привезла. Во-вторых, в нее нужно заливать уже горячую воду из чайника, а затем кипятить еще раз, но не до ста градусов, а только до девяноста...

Крячко слушал свою бывшую одноклассницу как замороженный. Казалось, ему нравился даже тембр ее голоса, и совершенно неважно, что она при этом говорила. У Гурова, напротив, не было столь трепетного и влюбленного отношения к Юлии Завладской, а потому он счел для себя абсолютно нормальным прервать ее бесконечный поток. Он прочистил горло и спокойно произнес:

– Вы не могли бы нам рассказать о письме, Юлия Владимировна? О том, которое вы получили сегодня? С угрозой.

Она резко обернулась к полковнику. Крячко недовольно насупился, демонстрируя свое негативное отношение к поступку напарника.

– Ах, да, письмо! Конечно-конечно. Сейчас...

Завладская переместилась к дальней части буфета и склонилась над нижним выдвинутым ящиком. На ней был вязаный коричневый свитер с высоким горлом и синие зауженные книзу джинсы. Ее наклон заставил Крячко свернуть голову и отдать должное туго обтянутой женской попке. Его движение не укрылось от напарника, и Гуров тяжело вздохнул. Завладская задвинула ящик обратно и вернулась к столику с конвертом в руках. Положила его перед Гуровым.

– Как много народу трогало его руками? – осведомился он.

– Ну, я, конечно. Таня Аникеева. Это старшая акушерка в нашем отделении. Она как раз была у меня в кабинете, когда принесли конверт, и я дала ей прочесть. И еще вахтерша, которая мне его принесла. Вы же знаете, как это письмо попало ко мне? Я говорила об этом Стасику...

– Да, Стасик мне уже передал, – не удержался от ехидства Гуров.

Крячко залился краской до самых кончиков ушей, но ничего не стал отвечать на выпад напарника. Нервно облизал губы и добавил зачем-то:

– Вы забыли о том, кто этот конверт в больницу доставил. Он к нему тоже прикасался.

– Да нет, Стасик, мы об этом не забыли. – Гуров осторожно, стараясь не оставить слишком много отпечатков своих пальцев, раскрыл конверт и вынул из него сложенный пополам лист бумаги. Развернул его и углубился в сосредоточенное изучение.

Крячко вытянул под столом ногу и как можно больнее наступил Гурову на носок. Улыбнулся Завладской.

– Я просто хочу сказать, что мы не имеем ни малейшего представления о том, сколько человек касалось этого конверта до его попадания в больницу, – сказал он.

Гуров прочел коротенькое послание на имя Завладской, хмыкнул и протянул его через стол Крячко. Теперь его стал читать Станислав, напустив на себя солидный вид. Завладская запоздало вспомнила про закипевший на плите чайник. Сдернула его с конфорки и наполнила турку. Процесс варки кофе продолжился.

– Почему вы считаете, что это не шутка, Юлия Владимировна? – спросил ее Гуров.

– Я чувствую. То есть нет. Я уверена. Я не могу объяснить, почему, но...

– Понятно. У вас есть враги?

– У меня их целая куча, – удивила она половника своим ответом.

Крячко отложил лист бумаги.

– Все буквы вырезаны и наклеены очень аккуратно, – произнес он. – Обратил внимание, Лева?

– Да, обратил.

– Кто бы ни был наш таинственный друг, он, похоже, большой педант и аккуратист, – резюмировал Крячко. – Уже немаловажная черточка для психологического портрета.

– В каком смысле «целая куча»? – Гуров продолжал беседу с Завладской.

– Видите ли, полковник... – Юлия сделала первую порцию кофе, наполнила им беленькую чашку с изображением нераскрывшегося макового цветка на боку и тут же приступила к приготовлению новой. – В нашей больнице я веду активную борьбу со взяточничеством. И уже многие были пойманы за руку благодаря моим стараниям. И, соответственно, уволены. Буквально несколько дней назад я выставила взашей нашего анестезиолога. Хороший, кстати говоря, был специалист. Грамотный, перспективный, но... как выяснилось, нечист на руку.

– И по-вашему, получается, что увольнение – повод для убийства?

– Я не могу утверждать этого наверняка и не хочу ни на кого бросать тень, но тот же Паша Савельев угрожал мне физической расправой перед своим уходом.

– Кто?

– Савельев. Анестезиолог, о котором я вам только что говорила.

Все три порции наконец были готовы, и Завладская, установив чашки на поднос, понесла их к столику. Затем сходила к буфету за коробкой конфет. Попутно вернула на место розовую кастрюлю и вновь помешала ее содержимое ложкой. Убавила пламя под тефалевой сковородкой. Заглянула в духовку.

– Попробуйте, – предложила она, кивая на кофе. – И тогда вы поймете, что я не врала. И не преувеличивала. Может, хотите добавить коньячку?

– Можно, – живо отреагировал Крячко. Он сделал маленький глоток кофе и демонстративно закатил глаза. – О-о-о! Божественно!

Очаровательная улыбка Завладской была ответом на его комплимент. Она опять устремила к буфету и на этот раз достала наполовину пустую бутылку «Леро Адам Люкс». Капнула немного коньяка в чашку Станислава. Потянулась бутылкой к Гурову. Тот отрицательно покачал головой.

– Я за рулем.

Завладская поставила бутылку на стол.

– А что же ты сама? – Крячко играл глазами, как школьник.

– Я не пью раньше восьми часов вечера, – сказала Завладская. – И только шампанское. Крымское красное. Такой уж у меня пунктик, что ли. Или годами выработанная привычка. Два фужера в день, и ни капли больше. – Взгляд у Юлии стал грустным. – А если вы не защитите меня и меня действительно убьют сегодня в девятнадцать ноль-ноль, то в двадцать ноль-ноль никаких двух фужеров просто не будет. – Она быстро накрыла своей хрупкой ладошкой широкую кисть Станислава. – Но ведь вы мне поможете? Правда, Стасик?

Он едва не поперхнулся кофе. Отставив чашку, он накрыл ее руку своей второй рукой.

– Разумеется, поможем, Юляшенька. Тебе не о чем волноваться. Пока мы с тобой, никто тебя и пальцем тронуть не посмеет. Ручаюсь тебе!

Завладская повернулась к Гурову:

– А что скажете вы?

– Ну...

Полковник даже не прикоснулся к кофе, задумчиво крутя в руках чашку. По большому счету, у него не было ни особого желания, ни времени на то, чтобы заниматься делом Завладской. Слова женщины о том, что написанная в письме угроза – не шутка, его не очень-то убедили. Но, с другой стороны, Завладская ему нравилась. Не так, как Крячко, а чисто по-человечески. Он не видел и серьезного повода для отказа. Почему бы не проверить, кто и с какой целью написал ей это идиотское письмо? К тому же боковым зрением Гуров не мог не заметить посылаемые ему Станиславом умоляющие сигналы. Крячко только что не прыгал на стуле, как мартышка.

– Хорошо. Мы постараемся вам помочь, – изрек он, наконец, и Юля облегченно вздохнула, а Крячко поднял вверх два больших пальца. – Но я попрошу отметить, что только постараемся. Гарантировать ничего не могу. Это письмо вместе с конвертом мы завезем в управление нашим экспертам, и они, может быть, смогут выяснить что-нибудь по своей части, а сами наведаемся в вашу больницу и постараемся выяснить, кому же вы так сильно наступили пяткой на горло, что он или она готовы пойти под тяжелую статью закона. Кстати, кроме больницы, у вас есть еще подозрения, кто может желать вам смерти?

– Это вряд ли. – Завладская взглянула на часы, кивнула сама себе и, потянувшись, взяла с батареи пачку сигарет. – Так они становятся суше, – пояснила она. Вставила одну сигарету в мундштук и вернула пачку на прежнее место. – Нет, теоретически, конечно, возможно все, но в последнее время я редко общаюсь с кем-нибудь вне больницы. Родственники, подруги и так далее – все как-то незаметно отошло на второй план. Осталась только работа. Работа – дом, дом – работа. Жизнь стала однообразной.

– Ясно. Такое случается. – В голосе полковника не наблюдалась особого сочувствия. Он поднялся из-за стола. – Поехали, Стасик?

В отличие от напарника, Крячко до дна испил предложенный ему кофе с коньяком, отправил в рот две конфетки и, вместо того, чтобы встать, героически расправил плечи. Облизал от нахлынувшего волнения губы и несколько секунд избегал смотреть Гурову прямо в глаза.

– В чем дело? – Гуров удивленно вскинул брови.

– Я тут подумал, Лева... Кто-то должен, наверное, остаться с Юлей. На всякий случай. Мы могли бы с тобой действовать рационально... Пока ты там наводишь справки и выясняешь, кто может оказаться возможным убийцей, я бы мог устроить тут засаду и, если он заявится...

Вот хитрец! Гуров невольно восхитился такой находчивостью и изворотливостью напарника.

– Не вижу в этом необходимости, Стас, – тем не менее сказал он. – Убийца объявил точное время нападения: девятнадцать ноль-ноль.

– Это могло быть сделано и специально. Для отвода глаз.

В комнате повисла гнетущая тишина. Крячко и Гуров смотрели друг на друга, и ни один из них не спешил опускать глаз. Завладская тоже молчала, ожидая, чем закончится эта молчаливая дуэль.

– Что ж, – негромко произнес Гуров. – Может быть, ты и прав, Стасик. Мы не имеем права сбрасывать со счетов и такую версию. – Мысленно он пообещал себе при случае обязательно свести с Крячко счеты. Пусть только представится подходящий случай. – Оставайся здесь, и, если что, будем держаться на связи. Провожать меня не нужно. Выход найду и сам.

Резко развернувшись, Гуров зашагал к двери.

* * *

Вторник. 10 часов 4 минуты

Любой здоровый человек, угодивший по воле судьбы в приемное отделение больницы, либо придя сюда с кем-то, либо, как и Гуров, влекомый чувством профессионального долга, как правило, чувствовал здесь себя не очень уютно. Полковник не являлся исключением. Насмотревшись по роду занятий на немалое количество крови и людских страданий, он тем не менее, будучи человеком нормальным, мягко говоря, не тяготел к таким картинам.

Двое санитаров вкатили через дверь носилки со стонущим мужчиной. По виду – определенно бомж. Синюшного оттенка лицо в ссадинах и кровоподтеках. Свисавшая из-под грязно-белого покрывала правая рука сплошь покрыта чем-то наподобие язв. Не меньшее чувство отвращения вызывала и выглядывавшая пятка. Гуров невольно отвернулся и вновь сфокусировал взгляд на невозмутимо сидящей за своим рабочим столом Нине Алексеевне Вульниченко, цвет волос которой почему-то тоже не слишком радовал глаз наблюдателя. Вахтеры в приемном отделении заступали на дежурство раз в сутки, и потому Гуров застал на месте ту самую женщину, что передала Завладской тот таинственный конверт в начале первого ночи. Она должна была смениться лишь сегодня в шесть часов вечера.

– И когда вы вернулись, конверт уже лежал здесь? – уточнил полковник, ткнув пальцем в поверхность стола. – Так?

По пути в больницу Гуров, как и планировал, уже успел заехать в управление и передал конверт с вложенным в него письмом экспертам. Из уважения к полковнику ребята обещали постараться и дать ему хоть какой-то ответ к половине шестого. Не раньше. Это все, что они могли сделать. Остальное лежало за пределами их возможностей. Гуров вздохнул, посетовал вслух, что это слишком долго, но, учитывая, что выбор у него был невелик, уехал.

– Да, все верно, – подтвердила Вульниченко. – И я никого не видела. Вы уверены, что не хотите шоколадку, Лев Иванович?

Разломленная на несколько мелких частей плитка лежала на оберточной фольге между полковником и Ниной Алексеевной.

– Абсолютно уверен. А скажите, этот конверт... Его мог принести кто-нибудь с улицы?

Вульниченко так энергично замотала головой, что перхоть посыпалась с ее волос на плечи.

– Никак невозможно, – сказала она. – Дверь была заперта. Это я точно знаю, потому как открыть ее могу только я, и то с внутренней стороны. Даже если приезжает машина «Скорой помощи», дверь им открываю я. А потом снова закрываю.

По выражению лица собеседницы Гуров понял, что спрашивать ее, не могло ли быть так, что она забыла закрыть дверь после очередного отбытия «Скорой», бесполезно. Он и так мог предугадать, какой на это последует ответ. Однако на всякий случай поинтересовался:

– А в котором часу приезжала «Скорая помощь» в последний раз?

– В половине одиннадцатого. – Вульниченко не почувствовала подвоха.

– А во сколько в последний раз дверь вообще открывалась?

– В это самое время и открывалась. После половины одиннадцатого в приемном никого не было.

Гуров нервно побарабанил пальцами по столу. По всему выходило, что конверт принесли изнутри больницы. Если, конечно, ни у кого не могло быть дубликата ключей от двери в приемное отделение. Но спрашивать об этом у Вульниченко было бессмысленно. С другой стороны, полковник прекрасно отдавал себе отчет в том, что в здание больницы можно было попасть и через какую-то другую дверь, а потом, пройдя где-нибудь по этажам, спуститься сюда. Но все эти вопросы опять же были не к местному вахтеру.

– А сколько времени вы отсутствовали? Приблизительно?

– Да минуты две. Не больше.

– Ясно. Спасибо за информацию, Нина Алексеевна. – Гуров поднялся. – А как мне попасть в родильное отделение?

– Сейчас свернете налево, пойдете до конца коридора и по лестнице на второй этаж. Весь этаж и есть родильное отделение. Все-таки возьмите кусочек шоколадки, Лев Иванович. Совсем малюсенький. Это самый лучший шоколад...

Гуров покачал головой и, машинально бросив взгляд на наручные часы, быстро зашагал в указанном Вульниченко направлении. В какую-то секунду ему невольно вспомнился сам стиль письма, полученного Завладской, в виде вырезанных из газеты отдельных букв, и полковник остановился. Обернувшись на оставленную им Нину Алексеевну, он спросил:

– А в котором часу вывозят из больницы мусор?

Она немного растерялась от столь неожиданной смены темы, но потом ответила:

– Так увезли уже. Его часов в восемь машина забирает.

Гуров опять двинулся в конец коридора. Он спросил об этом скорее для успокоения совести, нежели с какой-то определенной целью. Найти в такой большой больнице газету с вырезанными буквами, даже если она тут и была, представлялось занятием не менее сложным, чем отыскать иголку в стоге сена.

Оказавшись на нужном этаже, полковник первым делом направился в сестринскую. В небольшой уютной комнатке он застал двух молоденьких девушек, вероятно, вчерашних студенток, о чем-то оживленно щебетавших друг с другом и пускавших под потолок густые струи сизого дыма. И та, и другая держали сигареты пальчиками очень изящно. На открывшего дверь Гурова они не обратили ни малейшего внимания.

– Прошу прощения, девушки, – окликнул их полковник, и они обе синхронно обернулись. – Где я могу найти старшую акушерку Татьяну Аникееву? Она еще не сменилась?

Ему ответила та, что была повыше ростом. Из-под белого чепчика элегантно выбивалась каштановая прядь волос. Глаза большие и выразительные.

– Нет, она еще не сменилась. Но найти вы ее сейчас не сможете. Аникеева в операционной. Должна освободиться минут через пятнадцать-двадцать. Так что придется подождать.

– Ничего страшного. Пятнадцать минут – не вечность. – Гуров просунул руку за отворот пальто и вынул из внутреннего кармана свое удостоверение. Продемонстрировал его девушкам в раскрытом виде. – Полковник Гуров. Уголовный розыск. Мне бы хотелось получить ключ от кабинета заведующей. Юлия Владимировна в курсе.

Девушки слегка заколебались. Большеглазая, переложив сигарету в левую руку, шагнула вперед и требовательно потянулась к гуровскому удостоверению. Полковник позволил ей внимательнейшим образом изучить документ. Он и сам не знал, с какой целью решил осмотреть кабинет Завладской и что рассчитывал там найти. Но, на его взгляд, это было лучше, чем бездействие. Авось что-то и подтолкнет его к разгадке с таинственным письмом. Из головы упорно не шел вопрос о том, зачем преступнику понадобилось предупреждать жертву о точном времени исполнения смертельного приговора. Что это? Обычное дешевое пижонство дилетанта, или убийца надеялся на то, что его вычислят раньше семи часов вечера и остановят? Такое

тоже нередко случалось, и Гуров сталкивался с аналогичными ситуациями на практике. Если письмо с угрозой вообще не шутка. Никакой уверенности в обратном у полковника до сих пор так и не было.

Медсестра с большими глазами вернула Гурову его удостоверение и удовлетворенно кивнула. Причем не столько для него или самой себя, сколько для своей подруги. Та все еще смотрела на визитера с неприкрытым недоверием.

– Хорошо.

Большеглазая прошла к небольшому навесному шкафчику, открыла его и, порывшись внутри не больше минуты, выудила серый блестящий ключ. Вложила его в ладонь Гурова.

– И еще, – полковник благодарно улыбнулся. – Как только Аникеева освободится, будьте так добры, передайте ей, что я буду ждать ее в кабинете Юлии Владимировны. Пусть придет туда.

– Передам, – ответила большеглазая.

Гуров оставил их и пошел по коридору, попутно рассматривая таблички на дверях. Кабинет заведующей оказался предпоследним по правому ряду. Полковник вставил ключ в замочную скважину и дважды провернул его. Замок щелкнул, и дверь отворилась внутрь. Гуров вошел. Кабинет Завладской мало чем отличался от других подобных кабинетов. Рабочий стол у окна, полки с картотекой, шкаф, диванчик, несколько стульев. Из общего фона выбивался, пожалуй, только миниатюрный фонтанчик с левой стороны от дивана, работающий в бесперебойном режиме. Его мерное тихое журчание успокаивало. Гурову уже доводилось встречаться с такими новомодными штучками. Он прошел к столу и сел за него. По очереди выдвинул один за другим письменные ящики и окинул взглядом их содержимое. Ничего интересного или особо интригующего. На поверхности стола тоже наблюдалась вполне стандартная картина. Ежедневник, папка с документами, органайзер с канцелярскими принадлежностями, телефонный аппарат. Гуров перелистнул ежедневник на несколько страниц назад. Дежурство, роды, «позвонить К.», «купить бра. Сиян. Инж.» Кто это К.? Подруга? Любовник?.. Сиян. Инж. – это, вероятно, название какого-то магазина. Одна из записей привлекла особое внимание Гурова. «Харьков таймс» от шестнадцатого января». Полковник задумчиво помассировал подбородок. С чего вдруг Завладской интересоваться харьковской прессой? Даже если это какая-то определенная статья, вышедшая в печать шестнадцатого января. И что вообще за идиотское название «Харьков таймс»? Сплошное подражание Америке...

Гуров вынул блокнот и перенес в него заинтересовавшую его запись из ежедневника Завладской. В этот момент на столе зазвонил телефон. Полковник машинально потянулся к трубке, но в последний момент передумал. Телефон продолжал звонить. Его непрекращающиеся настойчивые трели свидетельствовали о том, что звонивший был уверен в наличии заведующей на своем рабочем месте. А что, если это звонила сама Завладская, которой медсестры доложили, что представитель уголовного розыска забрал ключ от ее личного кабинета. Гуров снял трубку.

– Да?

– Кто это? – Взволнованный и в то же время немного рассеянный мужской голос звучал низко и хрипло. – Куда я попал?

– Кабинет Юлии Завладской. А кто вы такой?

Звонивший безо всяких объяснений бросил трубку.

* * *

Вторник. 10 часов 33 минуты

– Мишку, что ли? Как же? Отлично помню. – Крячко за обе щеки уминал приготовленную Завладской запеченную картошку с грибами, не забывая при этом постанывать от насла-

ждения. Вилка носилась между тарелкой и ртом с катастрофической скоростью. – Он учился с нами в параллельном классе. Так он теперь в Германии? Ты уверена?

– Да, я встретила Шиновского в магазине на Стрелковской. Он рассказал мне.

Завладская сидела слева от Станислава за барной стойкой с чашкой кофе в одной руке и прикуренной сигаретой в другой. Ее марафон по приготовлению различных блюд наконец завершился, и с чувством выполненного долга она могла теперь позволить себе немного отдыха. Крячко не стал отказываться от предложенных яств, в то время как сама Завладская ограничилась лишь тремя поджаристыми сырниками на завтрак.

Крячко отломил кусок хлеба и сунул его в рот. Откусил добрую половину огурца, которые, как он уже знал, Завладская мариновала лично.

– А кто такой Шиновский? – спросил он, едва прожевывая.

– Ты не помнишь Толю Шиновского? – удивилась Завладская.

– Первый раз слышу.

– Да ты что, Стасик? Он же тоже учился с нами в параллельном классе. Только не в «А», как Миша Протасов, а в «Г». – Юлия сняла со среднего пальца тоненькое платиновое кольцо с крупным черным бриллиантом и аккуратно положила на краешек блюда. – Ну, вспомни! Высокий такой весельчак. Вечно ходил в коже. Тогда это было жутко модно. Впрочем, Шиновский до сих пор так и остался пижонем. А еще у него был мотоцикл. Черный «Урал». На уроки он на нем, правда, не ездил, но зато все время рассекал по вечерам. В него Галка Илинбаева по уши была влюблена, как сейчас помню.

– Илинбаеву знаю. – Крячко покончил с трапезой, отодвинул от себя тарелку и старательно протер руки бумажной салфеткой. – А вот с Шиновским по-прежнему мимо. Спасибо огромное, Юляш. Все было просто безумно вкусно. Никогда еще не пробовал ничего более потрясающего.

– Не за что. Оставь пока на столе. Я потом уберу. – Завладская затушила сигарету в пепельнице, положила рядом с ней мундштук и проворно соскочила с высокого плетеного табурета. Глазки ее озорно заблестели. Казалось, ей сейчас все равно, о чем говорить, лишь бы не возвращаться мысленно к тому обстоятельству, что кто-то угрожал ей убийством сегодняшним вечером. Все попытки Крячко заговорить с ней на эту тему и попытаться хоть как-то прояснить ситуацию разбивались о непрístupную стену. – Ну, как же ты не помнишь Шиновского, Стасик? Этого не может быть. Иди сюда.

Она взяла его за руку и почти насильно потащила к оранжевому дивану с округлыми подлокотниками, располагавшемуся напротив камина. Усадила его. С висевшей на стене полки сняла сразу два альбома и удобно разместилась рядом с Крячко, по-турецки подобрав под себя ноги. Станислав уловил исходящий от Завладской аромат «MAX MARA», а когда она случайно коснулась коленом его бедра, по телу Крячко словно пропустили короткий электрический разряд. Неужели Гуров прав? Неужели он, Крячко, так и не смог за долгие годы избавиться от своего чувства к Юле? Или все дело в том постыдном для него инциденте, произошедшем после выпускного вечера? Интересно, помнит ли о нем сама Завладская?

Юлия стала листать один из альбомов с многочисленными фотографиями. Она листала его так быстро, что Стас при всем желании не успел бы разглядеть ни одного снимка. Она так и не нашла того, кого искала, и бросила альбом Крячко на колени. Тут же взялась за второй. Полковник лениво раскрыл первый, чтобы хоть чем-то занять себя. Меньше всего ему хотелось сейчас копаться в старых и ненужных фото, копаться в своей памяти, пытаться вспомнить какого-то пижона Шиновского, в которого была влюблена Илинбаева. Какое все это имело значение лично для него?

– Нашла! – воскликнула Завладская. Она еще ближе придвинулась к Крячко, и Стас почувствовал, как ее белокурые пушистые волосы коснулись его щеки. – Вот он, Шиновский.

С краю. Как сейчас помню, он и стоял-то в тот день рядом со своим излюбленным «Уралом». Только мотоцикла на фотографии не видно.

Крячко перевел взгляд. Снимок был сделан в темное время суток во дворе дома, где когда-то жила Юля. Вид этого двора породил у Крячко новую волну болезненных воспоминаний. По центру фотографии была сама Завладская лет на семнадцать моложе себя нынешней, но именно такой, какой ее прекрасно помнил Станислав. Она стояла в обнимку с молодым человеком в пестрой рубашке навывпуск. Они оба улыбались, глядя в объектив. На щеках и подбородке парня был обозначен легкий намек на мужскую растительность. Рядом еще одна обнимающаяся пара, а с краю парень в короткой кожаной куртке с зализанными назад русыми волосами. Именно в него и уткнулся палец Завладской с острым красным ноготком. Никто, кроме самой Юли, Крячко не был знаком, но его оценивающий взгляд сфокусировался на том, кто обнимал Завладскую.

– Ну? Вспомнил?

– Вспомнил, – соврал Крячко. – Теперь вспомнил. Толя Шиновский. Ну, конечно!

Он повернул голову, и теперь его нос коснулся волос Завладской. Крячко осторожно втянул воздух, смешанный с ароматом духов. Юля захлопнула альбом и отложила его на диван. Потянулась к тому, что все еще в раскрытом виде лежал у Станислава на коленях. Кровь ударила в голову полковника. Он почувствовал, что еще секунда, и его губы коснутся ее губ.

– Ой! – воскликнула Завладская. – А это наше отделение. Я и забыла об этой фотографии. Мы отмечали День защиты детей. Вроде бы и не планировали ничего серьезного, а получилась такая грандиозная пьянка. Смотри, Стасик! Я тут совсем никакая. – Она засмеялась.

Крячко скрипнул зубами и посмотрел на тот снимок, который привлек такое бурное внимание со стороны Завладской. За накрытым столом сидело несколько человек с покрасневшими от выпитого лицами. И на этот раз Юлю тоже обнимал за плечи широкоскулый темноволосый мужчина в стильном коричневом пиджаке. Он раздвинул тонкие губы в улыбке, и даже на фотографии было видно, как у него во рту поблескивает золотая коронка. Крячко моментально забыл о своем намерении целовать Завладскую.

– Кто это? – быстро спросил он, указывая на темноволосого.

– Ты что, ревнуешь, Стасик? – Завладская кокетливо повела плечиком. – Перестань! Мы просто в одной компании...

– Кто это? – упрямо повторил свой вопрос Крячко.

Юля смутилась.

– Да я и не знаю его толком. Даже имени не помню. Он вроде с Ромашовым пришел, с главой районной администрации. Сам Ромашов не в кадре. А этот... Ну, я ему понравилась, наверное. И он мне... Слегка...

Крячко вынул фотографию из альбома. В отличие от Завладской, он-то прекрасно знал, кто был этот человек. Известный рецидивист Борис Щетинин по прозвищу Валет, дважды судимый за убийство. Во второй раз Крячко лично принимал участие в задержании Валета и лишь чудом избежал предназначавшейся ему пули в живот. Гуров тогда первым ранил Щетинина в бедро и тем самым спас жизнь напарнику.

– С главой районной администрации, говоришь?.. – Станислав поднялся с дивана. – Мне нужно позвонить.

– А что случилось, Стасик?

– Перестань уже называть меня этим тараканьим прозвищем, – недовольно буркнул он.

* * *

Вторник. 10 часов 43 минуты

– Полковник Гуров?

Когда Аникеева вошла в кабинет заведующей, Гуров поднялся из-за стола и сделал несколько шагов ей навстречу. Несколько секунд он просто молча разглядывал старшую акушерку, стараясь по внешним критериям определить ее психологический типаж. Около тридцати лет, неухоженные длинные волосы, небрежно забранные в «конский хвост», лишенное какой-либо косметики лицо. Одна из тех женщин, кто относится к своей внешности без должного внимания и уважения. Проще говоря, просто не следит за ней.

– Да, это я. – Для пущей убедительности полковник продемонстрировал ей удостоверение. – Присаживайтесь, Татьяна.

Она покорно опустилась на диван. Нелепо сидящий на сутулых плечах халатик сполз набок, обнажив белый вязаный свитер с грязным воротником. Аникеева свела ноги, а ладони, как примерная первоклассница, положила на колени. Чтобы не возвышаться над ней, как утес, и тем самым преднамеренно не давить на нее, Гуров сел рядом. Не спрашивая разрешения, достал из кармана пачку сигарет, выудил одну, а затем протянул пачку в раскрытом виде акушерке. Та отрицательно помотала головой. Гуров закурил.

– Вы уже в курсе, по какому вопросу я здесь?

– Да. Юлия Владимировна позвонила мне и предупредила о вашем визите. Могу представить ее состояние. Бедняжка. Как она?

– Ничего. Довольно сносно.

Гуров представил себе Завладскую и Крячко, мирно попивающих в столовой кофе, в то время как он вынужден мотаться по городу в двадцатипятиградусный мороз и выяснять обстоятельства того, как и от кого к Юлии Владимировне попало письмо с угрозой. Нечего сказать, подкинул ему Стас задачку. Стасик! Полковник усмехнулся. И, главное, как ловко он втянул его во все это, сам вроде как оставшись в стороне. В очередной раз Гуров пообещал себе при случае отыграться за эту подлость напарника.

– Держится, значит? – уточнила Аникеева.

– Держится. Скажите, Татьяна, что вы сами думаете по поводу того письма?

– А что тут думать? – Она отвела взгляд и стала нервно грызть некрасивый бесформенный ноготь на большом пальце правой руки. – То, что его написал псих, – это дело ясное. Нормальному человеку просто не придет в голову никого убивать.

– Это письмо не может быть чьей-то глупой шуткой?

– Шуткой? Хороша шуточка – ничего не скажешь, – хмыкнула Аникеева. – Только я в этом сомневаюсь. Тот, кто захотел бы пошутить над Юлией Владимировной, не стал бы вырезать буквы из газеты. Написал бы послание от руки, и всего делов. А так получается, что он заметал следы, что ли. Не хотел, чтобы его сразу вычислили. Мне так кажется.

В словах Аникеевой, безусловно, была определенная логика, не признать наличие которой Гуров просто не мог. Однако довод был не таким уж сильным. При желании он мог бы привести женщине сотню контраргументов и аналогичных случаев из собственной практики.

– А врагов у Юлии Владимировны хватало, – продолжала развивать свою мысль Аникеева. – Это уж вы можете поверить мне на слово. Вы ведь уже знаете, что она очень рьяно боролась в нашей больнице со взяточничеством? По ее совету даже был создан специальный комитет, который Юлия Владимировна сама и возглавила. Я тоже состою в этом комитете, – не без гордости добавила старшая акушерка. – Столько голов полетело, вы себе не представляете. Ну как после этого уволенный человек не затаит на нас зла. Особенно если он не слишком нормальный. А я скажу вам по большому секрету, полковник, что медики все немного ненормальные. Кто-то в большей, кто-то в меньшей степени. К Юлии Владимировне это, конечно, не относится. – Аникеева заискивающе улыбнулась, словно заведующая могла слышать ее слова. – Она исключение из правил. Она, кстати, во многом исключение из правил...

Гуров внимательно наблюдал за лицом женщины, пока та говорила, и монотонно попыхивал зажатой в зубах сигаретой. Благоговейное отношение Аникеевой к Завладской было

налицо. Она буквально боготворила заведующую. Полковника нисколько не удивил бы тот факт, если бы старшая акушерка носила при себе фотографию Завладской. В паспорте или в кошельке. По опыту Гуров знал, что такие личности нередко и оказываются убийцами сотворенных себе кумиров.

– Конкретные подозрения есть, Татьяна? – строго спросил он. Гуров и сам не мог объяснить, почему, но Аникеева ему нравилась все меньше. Складывалось какое-то субъективное отношение, и он постарался отогнать его.

– Конкретные? – Похоже, что привычка переспрашивать была у нее в крови. Пару секунд Аникеева сосредоточенно думала. – Недавно Юлия Владимировна поймала за руку нашего анестезиолога. Он взял деньги с мужа одной поступившей к нам пациентки. Тот, правда, был его хорошим знакомым, как они оба утверждают. Но что это меняет? Верно? Взятка есть взятка. Савельева уволили...

– Я уже слышал эту историю от Завладской, – спокойно произнес Гуров.

– Может, и слышали. – Аникеева вдруг ни с того ни с сего лукаво улыбнулась, демонстрируя полковнику мелкие мышинные зубки. – Только я знаю кое-что, чего и сама Юлия Владимировна не знает. Про Савельева.

– И что же это? – У Гурова вспыхнул профессиональный интерес.

Он поднялся с дивана, вернулся к столу Завладской и затушил сигарету в стоящей слева от органазера хрустальной пепельнице. Аникеева как привязанная последовала за ним, и, когда полковник обернулся, она уже стояла рядом, снизу вверх заглядывая ему в глаза. Гуров невольно отстранился.

– Эта история произошла на той неделе. – Женщина перешла на заговорщицкий шепот. – То ли в понедельник, то ли во вторник, точно не помню, но в пятницу Савельев заявился в больницу в пьяном угаре. Я сама его видела. Он еле на ногах держался. И в разговоре со своими коллегами-анестезиологами, как они сами потом сказали, грозился непременно пришить эту сучку, Завладскую... Это я его цитирую, как вы, наверное, уже догадались. Он говорил, что у него, дескать, есть какие-то связи в криминальных кругах, и он их поднимет, чтобы расправиться с Юлией Владимировной. И настрой у него, как я слышала, был очень серьезным. Когда я увидела сегодня ночью это письмо, я сразу на него подумала. Савельев псих.

Аникеева замолчала. Гуров тоже не торопился с выводами. С одной стороны, прилюдное заявление уволенного Савельева, что он собирается убить Завладскую, – это, конечно, серьезно, но, с другой стороны, Аникеева сама сказала, что бывший анестезиолог был в стельку пьян. А в таком состоянии чего только не брякнешь. Тем не менее полковник решил, что большой беды не будет, если он лично пообщается с Пашей Савельевым.

– Как мне его найти? – коротко поинтересовался он, извлекая из-под пальто заветный блокнот.

– Кого? Савельева? – Аникеева отошла на пару шагов назад. – Дома, наверное. Только я его адреса не знаю. Это надо в кадрах поинтересоваться. Или у тех же анестезиологов...

В кармане медицинского халата старшей акушерки зазвонил телефон. Она быстро достала большой серый аппарат и ответила на вызов, взглядом извинившись перед Гуровым за вынужденно прерванный разговор.

– Алло! Да, я... А, здравствуйте. – Полковнику показалось, что женщина как-то затравленно взглянула в его сторону, переложила телефон в другую руку и поспешно переместилась к двери кабинета. – У нас тут кое-что произошло... Нет, я не думаю, что это серьезно, просто... будет лучше обрисовать ситуацию при личной встрече. Что?.. Хорошо, да, я спущусь. Минут через пять... Ладно. Я запомнила. До свидания.

Телефонный аппарат вновь скрылся в боковом кармане халата, а Аникеева глупо улыбнулась, адресуя эту улыбку уже Гурову.

– Вы меня извините, товарищ полковник. К сожалению, не запомнила вашего имени-отчества... Мне нужно срочно идти. По делам. Я... Я еще нужна вам? Ах, да! Мы ведь говорили про Савельева. Я почти уверена, что это он прислал письмо. А его адрес?.. Вы все же лучше пообщайтесь с анестезиологами. Они и адрес знают, и про него самого могут рассказать вам гораздо больше, чем я. Все ж таки работали вместе. Понимаете? Тамара Петровна сейчас наверняка на месте. Это в противоположном конце коридора. Хотите, я вас провожу?

– Не надо, я справлюсь. – Гуров пристально смотрел ей в глаза. Поведение Аникеевой настораживало. Особенно то, как оно изменилось после загадочного телефонного звонка. – А вы можете сделать для меня еще одну вещь, Татьяна?

– Конечно. Какую?

– Я хотел бы получить список всех людей, которые были уволены за последние полгода благодаря стараниям Завладской и созданного вами антикоррупционного комитета. Таких много?

– За полгода? – снова переспросила она. – Нет, не очень. Человек пять или шесть, наверное. Я составлю список. Когда он вам нужен?

– Чем скорее, тем лучше.

Аникеева призадумалась.

– Я сделаю его через час. Хорошо?

– Хорошо, – согласился Гуров.

Она буквально выпорхнула из кабинета заведующей. Не нужно было иметь повышенной наблюдательности, чтобы понять, насколько Аникеева торопилась. К кому? Кто ей звонил? Мужчина? Женщина? На секунду Гурову пришла в голову мысль выяснить это, но затем он от этой затеи отказался. Во-первых, это могло не иметь никакого отношения к делу, а только к сугубо личным делам Татьяны, а во-вторых, даже если бы он и установил личность того или той, с кем собиралась встретиться Аникеева, ему бы это ровным счетом ничего не дало. На данный момент единственной реальной зацепкой являлся Павел Савельев.

Гуров запер кабинет Завладской, положил ключ себе в пальто и энергично направился в противоположный конец коридора. На ходу он сверился со своими наручными часами. Ровно одиннадцать. Если письмо с угрозой – не розыгрыш, до предполагаемого убийства Юлии оставалось восемь часов.

* * *

Вторник. 11 часов 1 минута

Лобанов не стал подъезжать к парадному крыльцу больницы, а скромно припарковал свой темно-зеленый «Лексус» в трех метрах на противоположной стороне улицы. С этой точки он прекрасно мог видеть любого входящего и выходящего из здания, при этом не привлекая к себе повышенного внимания. Слегка приспустив боковое стекло, он курил, откинувшись на спинку сиденья, и левой рукой, утянутой в черную перчатку, монотонно, в такт льющей из магнитолы музыки, постукивал по рулевому колесу. Мобильник в кармане утепленного плаща заиграл тарантеллу, и Лобанов достал аппарат. Не сводя глаз с выхода из больницы, нажал кнопку соединения.

– Ну, что там у тебя? – без всяких приветствий прозвучал в трубке баритон звонившего, однако Лобанову не требовалось никаких усилий, чтобы узнать собеседника и понять, чего он от него хочет.

– Жду. – Он склонился вперед и убавил звук работающей магнитолы. – Честно говоря, не нравится мне все это, Альберт. Палево какое-то.

– В смысле?

– Я позвонил ей в кабинет, но вместо нее трубку взял какой-то мужик. И есть у меня такое смутное подозренье, что это ментяра. Как пить дать ментяра.

– Ты дуешь на воду, Илья. – Похоже, что собеседник Лобанова, в отличие от него самого, был в неплохом расположении духа. Более того, он, судя по всему, был не один. До слуха Лобанова доносились посторонние голоса, звон посуды, женский смех. – С чего вдруг такие нелепые выводы? Почему непременно ментяра?

– Чувствую, Альберт. У меня нюх на этих тварей, если ты еще не забыл. – В голосе Лобанова появилось раздражение. – Я тебе из тысячной толпы мента вычислю. И по голосу, и по походке, и еще бог знает по чему...

– У Завладской нет и не может быть никакой связи с ментами. – Собеседник откровенно старался погасить излишний пыл Лобанова. – Мы же это уже сто раз проверили и перепроверили. А вот почему ее нет на рабочем месте?.. Ты ведь говорил, что она сама позвонила тебе сегодня.

– Да, позвонила. В половине второго ночи. Сука! Сняла меня с одной чудной бабенки. Только о себе и думает. Я имею в виду Завладскую.

– Я понял, – незримый собеседник весело рассмеялся. – И что?

– А ничего. – Огрызнулся Лобанов. – Я приехал, как смог. То есть, минут пятнадцать назад. В кабинете у нее мужик, самой ее нет. Я звоню ей на мобильник, а эта зараза отвечает мне: «Я сейчас не могу говорить». – Он передразнил ее нарочито низким голосом. – И бросает трубку. Чего тут прикажешь делать?

– И что ты сделал?

– Я позвонил этой дуре, Танечке. – Лобанов спустил пониже стекло и бросил наполовину искуренную сигарету «Давыдофф» в снег. – Сейчас вот жду, когда она выйдет. А дальше... Хрен ее знает, Альберт. Нехорошее у меня предчувствие. Какой-то поганый запах в воздухе.

– Какой запах?

– Подставы. Ментов чую, говорю же тебе.

– Расслабься, Илья. – Постороннего голоса и женского смеха в трубке уже не было. Вероятно, звонивший соизволил отделиться от своей шумной компании и отошел куда-то в сторону. – У тебя просто очередной приступ паранойи. Главное, отдай им аванс. Хоть этой Тане отдай.

– А договор?

– С договором я решу. Тут обязательно Завладская нужна. Но аванс отдай. В обмен на расписку, конечно.

– Давай не будем меня учить, Альберт. Ладно? – обиделся Лобанов. – Не первый раз замужем, как говорится. Разберусь. Но я тебя предупредил, ситуация мне не нравится.

– Хорошо. Я это запомнил. И, если что, информируй. До связи.

Короткие гудки известили Лобанова о том, что оппонент отключился. Он тоже произвел сброс и убрал мобильник на прежнее место. Холодное зимнее солнце, присутствие которого на чистом небе никак не влияло на температуру, било Лобанова по глазам, и он вынужденно опустил «козырек». Рука в перчатке вновь забарабанила по рулевому колесу.

Появившуюся на парадном крыльце больницы Аникееву в небрежно наброшенной на плечи дорогой, но совершенно безвкусной шубейке и натянутой почти по самые глаза лохматой шапке наблюдатель заметил сразу. Татьяна поозиралась по сторонам, увидела на противоположной стороне темно-зеленый «Лексус», о котором Лобанов сообщил ей по телефону, и бегом устремилась в нужном направлении. Ее легкие, без каблучков, туфельки, которые она не посчитала нужным переобуть, утопали в глубоком снегу.

Лобанов не вышел из машины и даже не склонился, чтобы открыть Аникеевой пассажирскую дверцу. Ей пришлось делать это самой. Плехнувшись на сиденье, она тяжело отды-

шалась. Пробежка утомила ее. Волосы выбились из «конского хвоста», и плохо расчесанные патлы висели на лице. Лобанов покосился в ее сторону, с трудом скрывая презрение.

– Где Завладская? – первым делом спросил он без всяких предисловий.

– Она уехала домой. – Аникеева закашлялась, прикрыла рукой рот, а затем возбужденно продолжила: – У нас тут кое-что произошло. Сегодня ночью Юлия Владимировна получила письмо с угрозой. Ее обещали убить. Тоже сегодня. В семь часов вечера.

Она испытующе посмотрела на Лобанова. Как он отреагирует? Что ему уже известно на этот счет? Однако лицо Ильи осталось совершенно бесстрастным.

– Это шутка? – только и спросил он.

– Нет. К тому же я подумала, что после той статьи в газете, на которую напала Юлия Владимировна...

Лобанов перебил ее:

– Вы обратились к ментам?

Аникеева вся сжалась, словно ожидая удара. Правый глаз задергался в нервном тике. Она медленно подняла руку и сунула в рот большой палец. Бессознательно стала грызть корявый ноготь. Взгляд развернувшегося Лобанова, казалось, готов был не только пронзить ее насквозь, но и обратить в пепел. Если Татьяна кого-то и боялась по-настоящему, так это именно его. Илья Романович никогда не вел себя грубо, никогда не повышал голос, но в нем было нечто такое, что порой заставляло содрогаться при одном взгляде на него. Аникеева и сама не сумела бы объяснить, что именно. То ли серые, глубоко посаженные глаза, выдававшие в Лобанове человека немало повидавшего на своем веку, то ли величественная посадка головы, то ли небольшой шрам у него на подбородке, ужасно поблескивающий всякий раз, когда на него падал свет.

– К нам приехал один... – запинаясь, ответила женщина. – Полковник Гуров. Я только что разговаривала с ним. Но он, как я поняла, какой-то знакомый Юлии Владимировны...

– А я и не знал, что у Юлии Владимировны есть такие знакомые. – Лобанов прищурился.

– Я тоже не знала. Но он...

– Он интересовался нашими делами?

– Нет-нет, что вы, Илья Романович. Об этом и речи быть не может. Я и с письмом-то с этим направила его по заведомо ложному следу. – В глазах Аникеевой мелькнуло что-то вроде чувства гордости. Она явно старалась произвести впечатление на собеседника. – Никто ничего...

– Не нравится мне все это, – он опять прервал Татьяну на полуслове. Рука сама потянулась в карман плаща за сигаретами, и вскоре по салону поплыл едкий табачный дым. – Очень не нравится. Надо потолковать с Завладской.

– А все из-за этого письма, – отважно вернула Аникеева, словно с головой бросаясь в ледяную воду. – Не было его, и все шло гладко.

– Не так уж и гладко. – Лобанов разогнал дым рукой, затем вынул из плаща белый прямоугольный конверт и небрежно швырнул его на колени сидящей рядом женщине. – Возьмите. Это аванс. Остальное по завершении сделки. Как и когда она будет осуществляться, а также момент заключения договора мы обговорим с Завладской. Расписка при вас?

– Да, конечно. – Аникеева тоже просунула руку под шубу и достала сложенный пополам тетрадный лист. – Если сумма такая же, как обычно...

– Все как всегда.

– Тогда, пожалуйста. – Она передала ему расписку, а конверт спрятала под шубой. – А что вы имели в виду, Илья Романович, когда сказали, что все и так шло не слишком гладко?

– Много чего, – уклончиво ответил Лобанов. – Взять, к примеру, ту же статью. Кстати, вы выяснили, насколько достоверны слухи об уходе Завладской?

Аникеева отрицательно покачала головой:

– Никто ничего не знает наверняка. Я спросила об этом саму Юлию Владимировну, так сказать, напрямик, но она ушла от ответа. Хотя...

– Что «хотя»? – живо переспросил Лобанов.

Мысли его блуждали и никак не хотели выстраиваться в четкую линию, однако этот процесс не могла видеть Аникеева. Лобанов чувствовал себя матерым хищным волком, уловившим запах приближающихся охотников. Интуиция у него и в самом деле была звериной. Такой можно было только позавидовать. И напрасно Доронин именует ее паранойей. Пусть он катится ко всем чертям со своим недалеким и прямолинейным мышлением. Или у шефа в голове тоже было нечто такое, во что он не собирался посвящать своего верного соратника. Некая собственная игра. Лобанов уже и не знал, кому и в чем можно верить.

– Собирается Юлия Владимировна увольняться или нет, но, я думаю, она бы сказала мне, если бы собиралась выйти из нашего общего дела. Ведь я понимаю, что без нее ни вы, ни кто-либо еще не станет иметь со мной дел.

Лобанов едва заметно ухмыльнулся. В этом своем предположении старшая акушерка точно не ошибается. Доронин откажется от сотрудничества без участия в этом деле Завладской. Ему куда проще будет найти новую больницу и новых поставщиков. Но что останется при этом ему, Илье Лобанову.

– Дайте мне адрес Завладской, – потребовал мужчина, стряхивая пепел с сигареты себе под ноги. – Вы его знаете?

Он все еще держал в руках расписку Аникеевой. Склонился и вынул из бардачка под приборной панелью шариковую ручку. Татьяна машинально отметила, что даже при этом Лобанов не снял с рук перчаток. Она продиктовала ему адрес загородного коттеджа Завладской и на словах попыталась объяснить, как найти это место. Дома у заведующей Аникеева была только дважды, но память на местность у нее была отменной. Лобанов старательно записал все, что она поведала ему. Удивленно повернул голову.

– Вы ждете чего-то еще?

– Нет, я... – Аникеева стушевалась. – Если вам больше ничего не нужно, я, пожалуй, пойду...

– Идите. – Он опустил исписанный лист в карман. – И на всякий случай оставайтесь на связи. Мало ли что. Да, и еще! Приглядывайте за этим вашим полковником. Нам не хотелось бы лишних проблем по вашей вине. – Лобанов сделал особенные ударения на словах «нам» и «вашей».

– Да. Я поняла.

* * *

Вторник. 11 часов 18 минут

– Это не зацепка, Стас. – Гуров прислонился к подоконнику, придерживая сотовый телефон возле уха одним плечом, а сам в это время отыскивая нужный ему номер в своей записной книжке. – Мало ли кто с кем отмечает разные праздники. Люди пьют вместе, обнимаются. Лучше скажи честно, что в тебе сейчас говорит элементарная мужская ревность.

– Постой, Лева. – Крячко едва ли не орал в трубку. – А разве это не ты всегда пропагандировал версию о том, что случайных совпадений не бывает? Особенно в нашей профессии.

– Да, это мои слова, – не стал спорить Гуров. – Но я и не говорю, что это совпадение. Я лишь сказал, что это слабая зацепка. Если не сказать, что вообще не зацепка. Она сказала тебе, чем занимается Щетинин?

– Она и фамилии-то его не знала. Говорит, что он пришел к ним в больницу на праздник с главой районной администрации. С Ромашовым. Знаешь такого?

– Только понаслышке.

Гуров нашел наконец нужную запись в книжке, заложил пальцем страницу и освободившейся рукой нормально взял телефонный аппарат. Возбужденный голос напарника уже не так сильно бил по барабанным перепонкам.

– А как вообще получилось, что Валет уже на свободе? – не унимался Крячко. – Если мне не изменяет память, этому гаду впаяли четырнадцать лет, а к настоящему моменту из них прошло никак не больше половины.

– Ты меня об этом спрашиваешь? – Краем глаза Гуров заметил, как из интересующего его кабинета, где, по словам Аникеевой, обитали анестезиологи, вышел высокий мужчина с густой рыжей бородой. – Я не работаю на администрацию колонии, Стас. Слушай, позвони в управление Орлову. Или лучше Цаплину. Пусть прочешет базу данных по этому делу. А заодно и по Ромашову. К твоему сведению, я тут делом занимаюсь, а ты там в приятном для тебя обществе прохлаждаешься.

– Я тоже работаю, – обиженно откликнулся Крячко. – И сижу в засаде. Так что...

– Ладно, угомонись. Звони Цаплину. Будет стоящая информация, дай мне знать.

– Слушаюсь. – На этот раз Станислав был полон сарказма.

Гуров нажал на своем телефоне кнопку сброса и тут же принялся набирать новый номер, сверяясь с записной книжкой. Мужчина с бородой уже скрылся на лестнице, но дверь в кабинет он не запер. Значит, там еще кто-то остался.

Из трубки потянулись длинные монотонные гудки. После четвертого или пятого по счету бодрый молодецкий голос откликнулся:

– Не могу поверить. Лев Иванович! Приветствую-приветствую! Чертовски рад слышать. А я уж думал, у меня определитель номера с ума сошел. Чему обязан такой честью? Очередное следствие зашло в тупик, и великий сыщик вновь вспомнил о своем недостойном коллеге, давно не видевшем ничего, кроме своего запыленного монитора.

– Может, ты сначала выслушаешь меня, Юра. – Гуров невольно улыбнулся. Если уж Юрий начнет говорить и никто его при этом не остановит, то поток его слов не будет иметь конца. – А потом уже обсудим твои предположения.

– Извиняйте, Лев Иванович. Не прав был, погорячился. Так что случилось?

– В одном ты прав. – Полковник перелистнул несколько страниц в своей записной книжке и нашел пометку, сделанную им самим в кабинете Завладской. – Мне нужна твоя помощь. Но услуга пустяковая, Юра. Мелочь...

– Мелочь, но приятно, – не удержавшись, ввернул тот. – И что же это за мелочь?

– Мне нужно найти одну газету, – ответил Гуров. – Называется «Харьков таймс».

– Смешно, – собеседник хихикнул.

– Не то слово. Так вот мне нужен «Харьков таймс» за шестнадцатое января. Сможешь найти через Интернет?

– За этот год?

– За этот.

– А какая статья? – У Юрия проснулся профессиональный азарт. Гуров даже представил, как в этот момент он нацепил на нос очки и ухватился за карандаш.

– Это я и хотел бы знать.

– Ясно. И на какую тему, значит, тоже неизвестно.

– Неизвестно.

– Ну, это несколько осложняет поиски, Лев Иванович. – Оппонент нарочито стал напускать на себя деловой вид. – Я, конечно, не говорю, что это невозможно. Попробую покопаться на Хар-би-си и на Политик-Инфо...

– Давай без этих твоих словесных выкрутасов, – взмолился Гуров. – Мне эти слова все равно ни о чем не говорят. Как скоро ты сможешь найти газету?

– Часика через два.

- Многовато.
- Я постараюсь быстрее.
- Хорошо. Как только найдешь, сразу звони.

Полковник выключил телефон, убрал его вместе с записной книжкой в карман и пошел к кабинету анестезиологов. Дверь была слегка приоткрыта, но Гуров предпочел тактично постучать.

- Да, войдите, – донесся до него приятный женский голос.

Гуров открыл дверь и вошел. Тамара Петровна, о которой упоминала Аникеева, оказалась женщиной высокой и широкоплечей, с короткой мужской стрижкой. Вообще весь ее облик, включая черты лица, был сугубо мужской, что очень не сочеталось с ее мелодичным тоненьким голоском. Она лежала на диване слева от двери, закинув на подлокотник босые ноги. Шерстяные носки валялись на полу, а медицинская шапочка, как аккуратно уложенная ресторанный салфетка, возвышалась на груди Тамары Петровны. Увидев на пороге совершенно незнакомого человека, женщина быстро села. Ее широкие ступни коснулись пола.

- Что вам нужно, мужчина?

– Извините. – Полковник натянул на себя маску растерянности и простоватости. – Я ищу своего шурина. Он тут работает у вас.

– Какого еще шурина? – Тамара Петровна нагнулась, проворно подхватила с пола шерстяные носки и надела их на ноги.

- Пашу Савельева.

– Он уже тут не работает. – Речь Тамары Петровны стала резкой и отрывистой. – Слава богу. Вашего шурина уволили на прошлой неделе.

– Как уволили? – изумился Гуров. – За что? Почему? Паша – отличный специалист, насколько мне известно.

Полковник жалел о том, что упустил того мужчину с рыжей бородой, вышедшего из кабинета в момент его телефонных переговоров. Найти общий язык с мужчиной было бы проще.

– Ваши сведения устарели. Паша – просто психически неуравновешенная личность! Его уволили за взяточничество. Скажу вам честно, я не верю, что он безбожно обирал пациентов, как это подавала стерва Завладская, да в это и никто не верит, но уволить Савельева стоило. От этого все только облегченно вздохнули. Работать с психом и постоянно ждать, когда у него шарики за ролики занесет, невыносимо. Наша работа такого подхода не терпит. Так что, если вы увидите своего шурина, передайте ему лично от меня...

– Как же я его увижу? – Гуров растянул губы в глупой улыбке. – Я думал найти его здесь. А домашнего адреса у меня нету. Я сам из провинции, приехал, чтобы... В общем, неважно. Где же мне теперь искать Пашу?

С минуту или чуть больше Тамара Петровна пристально и как-то настороженно взидала на полковника, словно прикидывая, насколько он психически нормален в противовес своему шурина, а затем не очень охотно произнесла:

- Я могу вам дать его адрес. Он у меня записан.

Женщина поднялась с дивана. Теперь она показалась Гурову еще выше и крепче. Ей бы не анестезиологом работать, а выступать за национальную сборную по баскетболу. Положив шапочку на стол, Тамара Петровна выдвинула верхний ящик, достала из него обычную школьную тетрадку в клеточку и чистый лист формата А-4. Последний она разорвала на четыре равные части, три убрала обратно в ящик, а один оставила. Длинный палец с острым ногтем заскользил по исписанной тетрадке. Наконец она нашла то, что искала, и переписала Гурову домашний адрес Савельева. Вышла из-за стола и протянула листочек полковнику.

– Спасибо, – сказал Гуров и тут же поинтересовался, состроив любопытное лицо провинциального увальня: – Так, по-вашему, Пашу уволили ни за что?

Тамара Петровна усмехнулась и пожала своими широкими плечами.

– Это не мне судить, конечно, но я считаю, что в нашей больнице есть и более коррумпированные личности, нежели Паша Савельев.

– Могу себе представить, как он недоволен, – забросил наживку Гуров.

– Я уже сказала, что ваш шурин псих. Он грозился убить Завладскую, и я не удивлюсь, если он это сделает. Чрезмерное употребление алкоголя никого еще не доводило до добра. Только если до белой горячки...

– Паша много пьет?

– Спросите его об этом сами.

Всем своим видом Тамара Петровна давала понять, что Гурову пора идти. Вести дальнейшие дискуссии она не собиралась. Полковник еще раз поблагодарил ее и вышел из кабинета. Жаль, что он не столкнулся с мужчиной. Его бы он разговорил. Гуров огляделся по сторонам, посмотрел на листок с адресом, написанным анестезиологом, и быстро пошел в направлении лестницы. Ключ от кабинета Завладской он решил пока не сдавать. Если ниточка с Савельевым никуда не заведет, то ему, скорее всего, еще предстоит сегодня вернуться в больницу.

Когда полковник вышел на улицу, вновь пошел снег. Легкий и ненавязчивый. Спустившись с крыльца и поплотнее запахнув ворот пальто, Гуров направился к припаркованному «Пежо». На нижней ступеньке он остановился и, достав из кармана сигареты, закурил. В этот самый момент он и заметил Аникееву. Женщина выбралась из салона темно-зеленого «Лексуса» и, низко склонив голову, побежала к больнице. Ветер развеивал ее незастегнутую шубейку. В снег упал прямоугольный конверт, Татьяна остановилась, подняла его и старательно отряхнула от налипших белых хлопьев. Затравленно оглянулась на «Лексус», словно проверяя, заметил ли сидящий в салоне ее мимолетный казус, и опять побежала дальше. Гуров отошел в сторону. Чисто автоматически он зафиксировал в памяти номер «Лексуса». С того места, где он стоял, тонированные стекла автомобиля не позволяли разглядеть людей внутри.

Аникеева пробежала мимо полковника, не заметив его. Ее подбородок уткнулся в ворот шубы, а лохматая шапка была слишком низко надвинута на глаза. «Лексус» тронулся с места, развернулся на проезжей части и стремительно укатил прочь. Гуров проводил его глазами. Акушерка вошла в здание больницы. Полковник глубоко затынулся, заложил руки в карманы и двинулся вперед. Он почти физически ощущал, как его поджимает неумолимый бег времени. История, в которую втравил его Крячко, нравилась Гурову все меньше и меньше. Какое-то щелкнувшее внутри его шестое чувство подсказало сыщику, что Завладская не ошиблась, приняв всерьез полученное письмо с угрозой.

* * *

Вторник. 11 часов 45 минут

Крячко придвинул к себе пепельницу и несколько раз энергично затынулся. Альбом с фотографиями по-прежнему лежал перед ним в раскрытом виде. Он изучил каждый снимок из прошлой жизни Юли, но ни одного знакомого лица больше не встретил. Фотография, на которой Завладскую обнимал Щетинин, лежала в стороне. Вставлять ее обратно в альбом Крячко пока не хотел.

– Может, еще чаю? – предложила хозяйка.

Стас повернул голову. Юля стояла возле раковины спиной к нему и мыла посуду. Ее роскошные волосы скрывали почти половину плеч. Открытые босоножки на невысоком каблучке почти не скрывали изящную миниатюрную ступню с ровными, окрашенными в серебристый цвет ноготками, и это была единственная обнаженная часть тела, которую мог видеть Крячко. Остальное могло лишь дорисовывать его богатое воображение. На какое-то время мысли о Валете улетучились, уступив место желанию подняться из-за стола, подойти к Завладской и обнять ее за талию. Крячко медленно поднял взгляд, переместив его с округлых розовых пяток

женщины на скрытую джинсами попку. Блестящие буквы «R» и «S» на правом заднем кармашке светились в падающих через круглое окно солнечных лучах.

– Не сердись на меня. – Крячко потушил сигарету, жестко вдавив ее в дно хрустальной пепельницы. – Я просто слегка вспыл. Занервничал, что ли... Понимаешь? Юляша! Ну, перестань. Если тебе так уж хочется, можешь звать меня Стасиком. Так, правда, зовут тараканов, но...

– При чем тут тараканы? – Она обернулась, и Крячко заметил, что ее мокрые от воды руки дрожат. – Я привыкла так говорить. И не могу понять, что же тут обидного. Обычное ласковое обращение.

– Хорошо.

– Ничего хорошего. – Запястьем она откинула со лба челку и, опустив руки, прислонилась к раковине. Теперь Стас отлично мог видеть каждый пальчик у нее на ногах. – Он, видите ли, занервничал. А каково сейчас мне, ты не подумал? Часов через семь какой-то псих намеревается прикончить меня. Знаешь, что страшнее смерти, Стас?

– Стасик, – с улыбкой поправил ее Крячко, рассчитывая столь нехитрым способом разрядить ситуацию. – Зови меня Стасик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.